

В. Г. Белинский

Цветы музы. Сочинение Александра Градцева

Виссарион Григорьевич Белинский

Цветы музы. Сочинение Александра Градцева

«...Но обратимся к «Цветам музы» г. Градцева. Надо признаться, что эти цветы не совсем красивы и ароматны; но в этом виновата не музыка г. Градцева, а типография г. Иогансона, на бесплодной почве которой возросли они... Проницательные читатели поймут, что мы говорим о внешней безобразии «Цветов» г. Градцева; что же до внутреннего – о нем сейчас будет речь...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Цветы музы. Сочинение
Александра Градцева**

*ЦВЕТЫ МУЗЫ. Сочинение Александра
Градцева. Санкт-Петербург. 1842. В
тип. А. Иогансона. В 8-ю д. л. 73 стр.*

Несмотря на неблагоприятное время для поэзии, несмотря на то, что теперь почти совсем не читают стихов, – новые поэты не перестают являться, неожиданные, непрошенные, а новые стихотворения так и плодятся, словно грибы после дождя. Давно ли вышли стихотворения г. Бочарова;[1] давно ли восхищались мы поэмою г. Молчанова «Повесть Ангелина»[2] – и вот являются «Цветы музыки» г. Градцева... Но это еще не все: сколько надежд впереди, сладостных надежд! *Сын природы*, Федот Кузмичев, приготовил «Поэму в 14 песнях» и – почему же не надеяться! – может быть, скоро потянутся, одно за другим, собрания стихотворений поэтов «Библиотеки для чтения» и покойной «Галатеи» – гг. Кропоткина, Щеткина, Степанова, Зотова, Чужбинского, Третьякова, Чернецкого, Скачкова, Соколова, Волкова, г-ж Шаховой, Падерной и иных... Прекрасные стихотворения гг. Сушкова, Бахтурина, Быстроглазова давно уже изданы и, сделав свое дело, то есть доставив публике большое удовольствие, покоятся в кладовых – сих Елисейских полях умерших стихов и прозы... Но обратимся к «Цветам музыки» г. Градце-

ва. Надо признаться, что эти цветы не совсем красивы и ароматны; но в этом виновата не муза г. Градцева, а типография г. Иогансона, на бесплодной почве которой возросли они... Проницательные читатели поймут, что мы говорим о внешнем безобразии «Цветов» г. Градцева; что же до внутреннего – о нем сейчас будет речь.

Снарядили корабль – громадный; он недвижим стоит у морской бездны, и по влажной и бурной степи летит взором, как сокол, – а сам думает: «О, гремучие волны! недолго мне стоять; спущусь я тяжелою пятою к вам на хладную грудь, как гений раздора...»

*Мне небо отвагу и силу дало
Носиться над бурною глубиью;
Разрежу я ваше седое чело
Своею широкою грудью!*

Теперь, читатели, мы вам самим представляем приятный и полезный труд отыскать единство образности в смелых и «цветистых» тропах музыки г. Градцева: сперва корабль грозит волнам спуститься тяжелою пятою на их (или, как выражается муза г. Град-

цева, к ним) хладную грудь; а потом хочет своею широкою грудью резать их седое чело; из этого сбивчивого обстоятельства очень естественно вытекает вопрос о фигуре корабля, то есть о том, где у него грудь и где ноги, или «пятая»; и потом о фигуре волн, то есть где у них «седое чело» и где «хладная грудь»... Не сознавая себя в силах решить такой мудреный вопрос, будем продолжать историю корабля и волн. Погрозивши волнам, наш корабль, «одетый величьем и с *пламем* в очах», торжественно погрузился в воды *ме(ѣ)дной* пятой, «*всклубля* свой флаг распущенный»; волны осердились – и давай бросаться ему на грудь; но «бегун морей» не струсил – он начал работать и грудью и пятою: грудью он дерется, а пятой «смял волны». Волны, видя, что плохо дело, что дракой ничего не возьмешь, очень хитро придумали испугать «бегуна морей» дикими, напыщенными стихами: «Ты де, – говорят они, – *быстрой и упорной встречей разрушал наше восстание* (чудная мысль, смелый оборот!) *и исторгал из нас рыданья*; но не гордись своею стальною грудью – ты *р у к о т в о р н о с т ь* человека, ты духом тле-

нья отягчен; а мы (то есть волны) созданы от века, к нам недоступен смертный сон; беги же вон из моря». Но корабль себе на уме: его не надуешь плохими и бессмысленными стихами – ведь он и сам мастер кропать их. «Вре-те вы», – крикнул он на них —

*И быстро сорвал свой якорь чугу-
ный,
Торжественной думой взлетев к
небесам,
Наперсник стихии надменной и
бурной
Стрелой помчался по черным
волнам.*

Вот так уж корабль – подлинно, что удиви-тельный: сам срывает якорь, а не снимается с якоря, думой прямо в небеса, а стрелой – по черным волнам... Но и это еще не все: сперва вы видели его врагом «надменной и бурной стихии», а теперь он вдруг является ее «наперсником» – видно, насильно влез в дружбу...

Все рассказанное нами составляет содержание первого цветка музыки г. Градцева. Что же в этом «содержании»? – спросите вы: – что

за мысль, что за смысл? Не знаем наверное, но думаем, что это этюд. Вы, читатель, конечно, учились в детстве нелепой науке, называемой «реторикою»; вас, конечно, заставляли «сочинять» на заданные темы; следовательно, вы знаете, как пишутся такие сочинения. Если же не знаете, мы вам скажем. Вот, например, дана тема – «корабль»: что ж тут писать? – Как что? если в классическом роде, то благосклонные небеса, попутные ветры, морские божества, милая жена и прекрасные дети, ожидающие в мирной хижине дорогого их сердцу пловца; потом буря, кораблекрушение, гибель, а затем нравоучение: как-де ненадежны все надежды человеческие, и в виду, дескать, берега погибает пловец, тщетно простирая объятия к «верной подруге и бесценным залогам нежного союза», а наконец – вывод: следовательно, коли уж ездить, так сухим путем, а не морем; лучше же всего не ездить, а сидеть дома, не гоняясь за богатством и славою, – да, впрочем, вы уж читали басню «Два голубя»...[3] Если же угодно в романтическом роде: назовите корабль «бегуном моря», «человеческою мыслью, одетою в

дерево, железо и смоленную пеньку, окриленную парусами»; море сравните с душою злодея и потом заставьте его ругаться с кораблем, потом драться, и кого-нибудь из них сделайте победителем; но бойтесь вывести какое-нибудь заключение: романтизм требует таинственности, неопределенности; в нем все дело в ничем или в чем-то... Славная наука реторика, особенно та глава в ней, которая трактует об «изобретении» и «общих местах»!.. Чтоб убедиться в этом, стоит только посмотреть, какое прекрасное стихотворение помогла она написать г. Градцеву. Дело идет о «холме» – простом, обыкновенном холме; ну, что бы, кажется, можно сказать о холме, кроме того, что он – холм; но гений и реторика найдутся наговорить всего о ничем. Был – изволите видеть – в степях за Волгою холм, на котором «орел обитель основал»; на холме было тихо, как во всякой «обители», и безмолвие оживлялось только криком орлов... Вот муза г. Градцева и начинает допрашивать холм: где-де была *обитель* твоей младенческой поры и кто тебя сюда занес? – Холм ни слова, как будто (такой гордец!) и знаться не

хочет с музою г. Градцева; а между тем —

*Сбежались тучи; заклубился
Мятежный вихе(о)рь; застонал
На Волге грозно пенный вал;
И гул гремучий покатился
С холма раскатом громовым,
И мне казалось, озарился
Недвижный (гул?) пламенем жи-
вым.
Но нет... гул шумный, не ответы,
—
Не речь холма на говор мой;
Затихла степь: в туман одетый
Молчит холм черный и немой.*

Этими стихами заключается пьеса: поняли
ль вы их?..

Очень интересна также пьеса «К смерти».
Муза г. Градцева такими словами не велит
идти смерти в счастливое семейство:

*Где жизнь так дивно расцвела,
Туда, где жизнь еще мила,
Не изливай свое злодейство,
Тяжелых не бросай цепей.
К чему разрушишь(ь) благо дней!*

Муза г. Градцева произращает не одни цве-

ты, но и целые деревья: на первый случай она потчует только суком с большого дерева – «одною сценою из жизни Владимира (,) князя новгородского», которая сцена, как гласит выноска, есть «Отрывок» из драматических сцен: «Владимир и Рогнеда с 980 по 986 год». Первый опыт в Д(д)раме! – наивно замечает автор... По суку видно, что «Рогнеда с 980 по 986 год» есть дерево большое, но водяное – нечто вроде ветлы...

Все замашки музыки г. Градцева обличают в нем поэта романтического, из школы г. Бенедиктова[4]. Да, г. Градцев романтик, а следовательно, и несчастный человек, потому что все романтики несчастные люди. Читайте – и страдайте:

*Одинок я в этой жизни,
Чуждо все душе моей,
Нет мне друга, нет отчизны,
Нет мне ласки от людей.
Тяжко, други! под луною
Бесприютный я брожу,
И не с радостью, с тоскою
Я на божий мир гляжу.
Одичал я в жизни бурной,
И увял, как в осень цвет.*

*О друзья! под мрачной урной
Горько лечь во цвете лет[5].*

Комментарии

См. рецензию Белинского на «Стихотворения И. Бочарова» (1841) – Белинский, АН СССР, т. V, с. 484.

[^^^]

Рецензируя поэму Н. Молчанова «Ангелина» (1837) (см.: наст. т., с. 499–501), Белинский беспощадно осмеял ее.

[^^^]

Имеется в виду басня И. А. Крылова «Два голубя» (1809).

[^^^]

См. статью «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835) – наст. изд., т. 1, с. 193–208.

[^^^]

Цитата из стихотворения В. Г. Бенедиктова
«Грусть» (1835). Курсив Белинского.

[^^^]